

ВЕЛИКИЕ ЭКОНОМИСТЫ

ДАВИД РИКАРДО

НАЧАЛА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
И НАЛОГОВОГО ОБЛОЖЕНИЯ

Москва
2016

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Редакционный совет:

Автономов В. С. — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель факультета экономических наук НИУ ВШЭ.
Ананьин О. И. — кандидат экономических наук, профессор факультета экономических наук НИУ ВШЭ.
Афанасьев В. С. — доктор экономических наук, профессор кафедры истории народного хозяйства и экономических учений МГУ им. М.В. Ломоносова.
Васина А. А. — кандидат экономических наук, главный специалист Российского государственного архива социально-политической группы, руководитель группы МEGA.
Клюкин П. Н. — доктор экономических наук, профессор НИУ ВШЭ, зав. лабораторией изучения наследия российских экономистов Института экономики РАН.
Макашева Н. А. — доктор экономических наук, профессор НИУ ВШЭ, зав. отделом экономики ИНИОН РАН.
Энтов Р. М. — академик РАН, доктор экономических наук, профессор НИУ ВШЭ, лауреат премии А. Смита (A. Smith Award) — 1999 г.

Рикардо, Давид.

Р50 Начала политической экономии и налогового обложения / Давид Рикардо; [пер. с англ. ; предисл. П. Клюкина]. — Москва : Эксмо, 2016. — 1040 с. — (Великие экономисты).

Во втором издании настоящего тома Д. Рикардо (1772—1823) собраны важнейшие труды, раскрывающие многогранность, глубину и в то же время целостность его творчества. В настоящем издании впервые публикуется перевод последней прижизненной рукописи Рикардо «Абсолютная ценность и меновая ценность» (1823). В ней Рикардо продолжает разработку ключевых политико-экономических проблем: ценности и цены, теории трудовой ценности, капитала.

Для научных работников, историков экономической мысли, аспирантов и студентов, а также всех интересующихся наследием классиков политической экономии.

УДК 330
ББК 65.01

Издание для дополнительного образования
Для широкого круга читателей

ВЕЛИКИЕ ЭКОНОМИСТЫ

Давид Рикардо

НАЧАЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И НАЛОГОВОГО ОБЛОЖЕНИЯ

Ответственный редактор *А. Меркурьева*. Выпускающий редактор *А. Юсупова*
Художественный редактор *П. Петров*. Технический редактор *Л. Зотова*
Компьютерная верстка *А. Григорьев*. Корректор *М. Колесникова*

В оформлении переплета использованы элементы дизайна:
Ali Ozgon, geraria, Serge Zimny, kavalenkava volha / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru
Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаларды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification>

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 24.06.2016. Формат 70×100^{1/16}.
Гарнитура «MysICTT». Печать офсетная. Усл. печ. л. 84,26.

Тираж экз. Заказ №

ISBN 978-5-699-82801-2

В электронном виде книги издательства Эксмо вы можете
судить на www.litres.ru

ЛитРес:
«Один клик до книги»

ISBN 978-5-699-82801-2

© П. Клюкин, перевод, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Оглавление

От редакции	7
<i>П.Н. Ключкин</i> . Значение теоретического наследия Д. Рикардо: П. Сраффа, российская аналитическая традиция и их синтетическое восприятие	8

Часть I. Теория ценности

Начала политической экономии и налогового обложения	82
Содержание «Начал»	370
Предметный указатель к «Началам», составленный Рикардо	371
Указатель цитированных сочинений в «Началах»	382
Примечания Д.Б. Рязанова к «Началам»	383
Примечания к книге г-на Мальтуса «Начала политической экономии, рассмотренные с точки зрения их практического приложения»	392
Содержание «Примечаний к книге Мальтуса»	582
Избранные письма Рикардо к Мальтусу	585
Опыт о влиянии низких хлебных цен на прибыль с капитала	639

Часть II. О денежном обращении и банках

Доклад Комитета [Британского парламента] о высокой цене золотых слитков	665
Высокая цена слитков — доказательство обесценения банкнот	719
Опыт о системе фондированных государственных займов	772
План учреждения национального банка	810

Приложение

<i>П.Н. Клюкин.</i> О последней прижизненной рукописи Д. Рикардо (Введение к первому переводу на русский язык) . . .	825
Давид Рикардо. Абсолютная ценность и меновая ценность [август—сентябрь 1823 года]	833
Примечание редактора Кембриджского издания [П. Сраффы] к тексту рукописи [1951]	833
Первоначальный набросок	836
Позднейший вариант — остался незавершенным	868
<i>В.К. Дмитриев.</i> Очерк I. Теория ценности Д. Рикардо (Опыт точного анализа)	881
<i>П. Сраффа.</i> Общее введение к «Трудам и эпистолярному наследию Давида Рикардо» и Предисловие к «Началам политической экономии и налогового обложения»	942
<i>Н.И. Зибер.</i> Жизнь и научно-литературная деятельность Давида Рикардо [1882]	998
<i>В.М. Штейн.</i> Естественные законы народнохозяйственного оскудения (Рикардо) [1924, фрагменты]	1017
Библиография сочинений Рикардо и литературы о нем на русском языке (1858—1929).	1028
Именной указатель	1037

От редакции

Публикация избранных сочинений одного из крупнейших представителей классической политической экономики Д. Рикардо (1772—1823) продолжает серию изданий классиков политической экономики в издательстве «ЭКСМО». В том включены основные труды, переместившиеся за последние полвека (с 1955—1961 годов) в разряд ограниченно доступных для читателей. Они упорядочены по тематическому принципу и составили содержание двух частей предлагаемой книги: «Теория ценности» и «О денежном обращении и банках».

По сравнению с первым изданием сочинений Рикардо, вышедшим в 2007 и 2009 гг., в настоящем *втором издании* публикуется *первый полный перевод на русский язык* последней прижизненной рукописи Рикардо «Абсолютная ценность и меновая ценность» (август-сентябрь 1823 г.). Найденная при драматических обстоятельствах летом 1943 г., она стала ценным источниковедческим материалом о последних месяцах жизни и творчества знаменитого английского ученого-экономиста и финансиста. В ней Рикардо продолжает разработку ключевых политико-экономических проблем: ценности и цены, теории трудовой ценности, капитала. Ведет поиск особого товара, способного измерять вариации цен всех остальных товаров в экономике, — «неизменной меры ценности» (invariable, perfect measure of value).

Отличительной особенностью настоящего издания по-прежнему является заложенная в его основу связь с предшествующими традициями в изучении и интерпретации наследия Д. Рикардо. Как дань заслугам в этой области, в книгу включены плоды многолетней исследовательской работы акад. Д.Б. Рязанова и его супруги, а также коллег, нашедшие свое (к сожалению, лишь частичное) воплощение в издании «Начал политической экономики и налогового обложения» 1929 г.

В разделе «Приложения» публикуются также «русская классика экономической литературы» — Очерк I «Теория ценности Рикардо (опыт точного анализа)» В.К. Дмитриева, и ценное «Предисловие» П. Сраффы к «Кембриджскому изданию» Рикардо 1951 г. Проф. П. Гареньяни (1930—2011), с любезного разрешения которого это «Предисловие» было опубликовано в 2007 г., отметил, вместе с тем, высокое качество первого издания трудов Рикардо в серии «Антология экономической мысли».

Перевод термина «value» везде оставлен в основном тексте как «стоимость», чтобы не идти вразрез со сложившейся традицией. Читатель должен иметь в виду, однако, что в дореволюционных переводах Рикардо, а точнее вплоть до 1908 г., он переводился как «ценность», будучи «естественным словоупотреблением русского языка». В переводе рукописи Рикардо об абсолютной ценности и меновой ценности (1823) эта терминология возвращена.

Колонтитулы, вследствие большей информативности, сделаны сложные; поэтому в ряде мест они приводятся в сокращенном виде. Примечания автора обозначены цифрами, редакторские примечания — звездочками. Издание снабжено именным указателем, библиографией, а также содержит «Индекс» к «Началам политической экономики», составленный самим Рикардо и воспроизведенный с издания 1929 г. под ред. Д.Б. Рязанова.

Значение теоретического наследия Д. Рикардо: П. Сраффа, российская аналитическая традиция и их синтетическое восприятие

Содержательную основу настоящего однотомного издания составляет текст первых трех томов избранных трудов Д. Рикардо, подготовленный коллективом ученых под редакцией М.Н. Смит¹ (Т. I—V. М.: Госполитиздат, 1955—1961); все три первых тома вышли в 1955 г., причем издание тт. I—II, содержащих «Начала политической экономии и налогового обложения» и «Статьи и речи о денежном обращении и банках» соответственно, «было начато [еще] накануне Отечественной войны» и увидело свет в 1941 г. В 1955 г. был подготовлен к печати новый т. III «Статьи по аграрному вопросу и критические замечания к книге Мальтуса» (перевод с англ. был сверен и подготовлен к изданию А.Е. Аничковой), а первые два тома «ввиду библиографической редкости» вышли вторым изданием.

Второе издание, однако, не было копией первого; коллективом редакции был учтен опыт десятитомного издания Кембриджского университета 1951—1955 гг. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные примечания к тексту, которые в настоящем издании были вновь сверены с оригиналом, в ряде мест поправлены и дополнены, также помечены звездочками и унифицированы²; и, кроме того, — добавленное «Приложение к главе первой [«Начал»]», отражающее «особый метод» передачи ее содержания³. В тексте «Начал» слова и предложения, вставленные или исключенные в I и II изданиях, сохранены, как и в издании 1955 г., в квадратных скобках; в тексте «Примечаний к книге Мальтуса», к которому в настоящем издании присоединен ряд известных избранных писем Д. Рикардо к Т. Мальту-

¹Т. IV. Парламентские речи (с предисловием М.Н. Смит). 1958; т. V. Письма к экономистам. 1961. О роли Д.Б. Рязанова в отечественных изданиях трудов Рикардо см. далее.

Данное издание не содержит следующих работ Рикардо из II и III тт., обычно — со времени издания Мак-Куллоха 1846 г. — входящих в корпус его сочинений: «О покровительстве земледелию» (т. III); «Предложения в пользу экономного и устойчивого денежного обращения», «Ответ на практические замечания г-на Бозанкета по поводу доклада комитета о слитках» (т. II); а также — «Три письма о цене золота в редакцию «The Morning Chronicle», «Речь по поводу предложения г-на Уэстерна» (т. II). Включен, однако, «Доклад комитета [британского парламента] о высокой цене золотых слитков (1810).

²Сноски, нумерованные цифрами, принадлежат Д. Рикардо; ссылки на «Богатство народов» А. Смита даются по изданию настоящей книжной серии.

³*Sraffa P.* Introduction // *The Works and Correspondence of David Ricardo*. Ed. by Piero Sraffa with the collab. of Maurice H. Dobb. 11 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1951—1973. Vol. I. 1951. P. LX.

су (т. V), максимально сокращены примечания отечественной редакции: часть из них помещена непосредственно в текст в квадратных скобках, часть исключена, часть оставлена в сносках редактора. Уточняющие слова «Прим. англ. ред.», вследствие принятой унификации, опущены.

Теперь, по прошествии времени мы знаем, что последний, одиннадцатый том «Works and Correspondence of David Ricardo», содержащий полный «Общий Индекс», вышел в свет в 1973 г., а за словами «кембриджское издание», равно как и за примечаниями к тексту и эпистолярному наследию Д. Рикардо скрывалась фигура одного из самых значительных и в то же время неординарных экономистов XX века П. Сраффы (1898—1983). Значение его идей проявилось после публикации в 1960 г. в Кембридже своего «opus magnum»: «Производство товаров посредством товаров. Прелюдия к критике экономической теории», и особенно после инициированных этим произведением масштабных дискуссий¹.

Настоящее издание трудов Д. Рикардо, если оно претендует на дальнейшее осмысление идей человека, произведения которого публикуются, и не хочет затеряться среди предыдущих изданий подобного рода, не может пройти мимо этих двух обстоятельств: 1) факта наличия полного собрания сочинений одного из классиков политической экономии на родном для него языке², 2) и того обстоятельства, что изданием большую часть своей жизни занимался не просто талантливый комментатор и популяризатор учения Рикардо, а мыслитель, который своей собственной теорией вдохнул в классическое наследие новую жизнь и который, по многочисленным оценкам, является теоретиком, по своему масштабу сравнимым с К. Марксом³.

Учиться, как говорят, никогда не поздно; и первым побуждением мог бы быть буквальный перевод кембриджского издания на русский язык. Такой шаг, однако, не может не заставить российскую общественную мысль задуматься, и не только над вопросом, по силам ли ей теперь такое воспроизведение, но и — что оно даст и что может дать? Ответ, если он только не однозначно отрицательный, может быть примерно таким: подобному изданию у нас в России не может не мешать некоторая «чужеродность» на нашей почве рикарданского наследия, практически не находившего своего места в традиции российской экономической мысли (по сравнению с К. Марксом). В этой связи, важ-

¹ 1. Дискуссии «двух Кембриджей» по проблеме капитала, затронувшей устои неоклассической теории и особенно интенсивной в 1960-х гг. 2. Менее известной у нас — по причинам, непосредственно связанным с марксизмом, — дискуссии о возрождении классической политико-экономической традиции.

² В 1961 г. за этот «шедевр академического издания» Сраффа был награжден медалью Шведской Королевской Академии наук («Sodeström Medal»).

³ См., напр. из классических работ на эту тему: Steedman I. Marx after Sraffa. L., 1977.

ным шагом было бы установление причин этой «чужеродности» и поиск пути преодоления ее.

Второе обстоятельство, связанное с именем Сраффы, имеет в отношении к настоящему изданию два аспекта: а) его собственная интерпретация наследия Д. Рикардо, в концентрированном виде выраженная в «Предисловии» к изданию «Начал» (1951), и б) роль этого «Предисловия» как этапной работы в создании «Производства товаров», — произведения, возвестившего о новом направлении экономической мысли¹; это представляется важным не только для понимания сделанного Сраффой, но и для развития отечественной традиции.

Что касается «Предисловия», то теперь оно переведено на русский язык и, по любезному одобрению распорядителя сраффианского литературного наследия П. Гареньяни, впервые публикуется в настоящем издании; таким образом, все три основные работы Сраффы, получившие мировую известность², имеются в русскоязычном переводе и доступны нашему читателю.

С другой стороны, назревший вопрос о судьбе программы «возвращения к классике» тесно связан — и не только у нас, но у нас особенно — с именем К. Маркса и судьбой его учения. И здесь после 1955 г. произошло еще одно событие, для восприятия которого в мысли пока не созрел человек подобного масштаба, но которое едва ли можно игнорировать; мы говорим о произошедшем на территории нашей страны (и распространении этого на другие части мира) в последнем десятилетии прошлого века. Марксизм как идеология перестал играть свою руководящую роль в человеческой истории; но: произошла ли отвечающая духу времени столь же радикальная трансформация марксизма в теории?

За некоторыми исключениями, нет; и не потому, что теория осталась верной себе и не подверженной идеологии, а потому, что сама она куда-то незаметно исчезла; и вот на переломе эпох вместо теоретического отношения к марксизму уже со стороны, отношения, предполагающего созерцание Маркса в себе, а не себя в нем, т.е., в конечном счете — критическое самосознание или отрицание догматизма, мы видим нечто вроде либеральной апологии Маркса³.

¹ У нас его именуют неорикардизмом (neoricardianism), или одной из разновидностей посткейнсианства (post-Keynesian economics), но это слишком абстрактные названия, зачастую приводящие к ошибочным представлениям; точнее: (post-)Sraffian school.

² Третья статья «Законы доходности в условиях конкуренции» (англ. версия 1926 г.) вместе с «Производством товаров» были уже опубликованы: *Сраффа П.* Производство товаров посредством товаров. Прелюдия к критике экономической теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. В этом издании содержится и «Комментарий» Сраффы (1962) к «Производству товаров».

³ См. полемику в «Вопросах экономики» (2004) и обобщающий «круглый стол» (2005. № 1).

Признание того, что реальность изменилась, и Маркс для нас уже не тот, что раньше, должно, наконец, произойти, но не таким образом. За Марксом стоит Рикардо; и изменившееся отношение к Марксу означает в то же время и изменение отношения к Рикардо и его наследию. (Этого изменения не видят только те, для кого Маркс тождествен всей классической экономике.)

Для отражения ситуации 1990-х гг. в отношении системы «Рикардо—Маркс» в нашей традиции — после издания трудов Д. Рикардо 1955 г.¹ — применим кантовскую мысль из предисловия ко второму изданию «Критики чистого разума»: «мне пришлось ограничить знание, чтобы освободить место вере».

Действительно, одна часть отрицания была осуществлена без вмешательства ученых: все связанное с Марксом, в том числе и вся политико-экономическая традиция в целом была отринута; несложно увидеть и понять, чем она была заменена и на каких, по преимуществу, основаниях. Однако вторая часть отрицания, положительная, которая является основой синтеза и движения вперед, находится ведь в наших силах; в данном случае речь идет о выведении Рикардо из «тени» Маркса. Не о том поверхностном выведении, которое *de facto* уже произошло, и не в науке, а в новой идеологии, руководящейся, как сменой масок, некритическим отрицанием одного и столь же некритическим утверждением другого (сюда могут быть добавлены многочисленные, идущие еще от Маршалла, неоклассические трактовки Рикардо); а об упомянутом выше двустороннем движении в системе «Рикардо—Маркс».

В историческом времени мы далеко отстоим и от Маркса, и от Рикардо; но это не исключает, а наоборот, делает более осмысленным два типа движения: от Рикардо к Марксу и от Маркса к Рикардо. За первым типом стоит традиция политической экономики, предполагающая поступательное движение от Петти и Кантильона к Кенэ, далее к Смиту и т.д.; но тогда если нет второго, возвратного движения, возникает соблазн трактовать признанного последним представителя традиции как ее окончательную вершину и впасть в догматизм, измеряя все прошедшее раз взятой меркой. И действительно, отечественная традиция, связанная с интерпретацией классики (а сегодня — и не только классики), по большей части демонстрирует именно такой детерминизм: как бы ни был Рикардо прогрессивен и гениален, все равно его удел — недопонимать, недооценивать, выражать не наши интересы... В таком случае Маркс становится субъектом, Рикардо — объек-

¹ Строго говоря, было еще одно издание работ Рикардо, вполне в духе времени; оно содержало всего шесть первых глав «Начал» и публиковалось под эгидой «вхождения в рынок». Рассмотренное же с точки зрения возврата к классике в трудных условиях (а не с позиций скрупулезного и требовательного академизма), оно должно быть признано новаторской попыткой. См.: Антология экономической классики: В. Петти, А. Смит, Д. Рикардо / Сост. И.А. Столяров. М.: Эконов, 1991. Т. 1.

том; а путь от Рикардо к Марксу представляется таким, который, по-видимому, проложил сам Маркс¹.

Однако, и в этом случае путь от Маркса к Рикардо, конечно, не был закрыт (им шли и идут критические марксисты); но чем продуктивнее он был в научном отношении, тем сложнее в идеологическом, т.к. вел к уравниванию двух чаш весов, признавая самостоятельность взглядов Рикардо и еретизм в отношении Маркса. С внешним упразднением идеологической компоненты, равно как и с приходом маржинализма в 1990-е гг., добавившим безразличия к классической экономике, на весах установилось внешнее равновесие. Но вместе с оптимумом наступил и мертвящий покой; ненужными в конечном счете оказались ни традиция — в первую очередь — советской экономической мысли, ни люди, ею занимавшиеся и в ней живущие.

Добавим возвратное движение, от Маркса к Рикардо; пусть оно будет одновременным с встречным традиционным движением от Рикардо к Марксу. Что приобретет последнее по сравнению с тем, что было раньше?

Оно будет означать, во-первых, утрату за Марксом единственной точки отсчета в классической экономике и происходить при данном условии; предполагать, во-вторых, прозрачность, т.е. правдивость и оправданность движения от Маркса к Рикардо, ибо то потеряет в этом движении (в самом себе) свою именно марксистскую специфику и сможет по-новому открыть Рикардо и еще, может быть, стоящих за ним; и, в-третьих, собственный путь от Рикардо к Марксу становится неоднозначным и допускает кроме варианта окончательного решения всех вопросов в учении Маркса еще ряд тупиков, окольных путей, а зачастую еще и альтернативные решения тех же самых проблем².

Такой подход, взятый в своей абстрактной полноте, направлен и на освобождение от деления истории *a priori* на предысторию (прошлое) и действительную историю, — деления, прочно восседающего в современном предубежденном уме и уничтожающего таким образом вообще всякую историю, кроме той, которая еще в памяти; он рассматривает историю не как «мертвую собаку», не как шлейф или бремя, годное для того, чтобы тащить его за собой, а при случае избавиться и

¹Это ни в коем случае не умаляет мощной традиции воспроизводства, ключевым представителем которой был Маркс; но если взглянуть, например, на работы В. Леонтьева по отечественному балансу 1923—1924 гг., принципу кругооборота (1925—1928) и экономической теории Маркса (1938), то видно, что уже в них он выходит за пределы односторонней трактовки Маркса как непревзойденной вершины. То же относится к многочисленным идеям отечественных экономистов 1910—1920-х гг., поднявшихся на уровень мировой науки: Г.А. Фельдмана, А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева, В.А. Базарова, Е.Е. Слуцкого, А.А. Чупрова и др., в частности, А.А. Богданова в «Тектологии».

²Ни один из трех моментов не затрагивает того отношения к Марксу, которое характеризует его как *единственного*; но в таком случае стирается граница между наукой и религией, и мыслительная история после Маркса, по существу, заканчивается, т.к. сам он вытесняется из нее. Остается эмпирическая история; но может ли она идти вразрез с материалистическим пониманием истории? (Ср. Гегель Г.В.Ф. *Философия религии*. Т. 2. М., 1977. С. 333.)

вдохнуть, наконец, свободно. Он мыслит ее как пространство, которое, коль скоро в нем происходит драматическая борьба идей, делает возможным и криволинейное движение, поначалу, правда, не имевшееся в виду; это самопроизвольное отклонение атома, тем не менее, происходит, как выясняется, по внутренней логике и по принципам, по которым хранилище свободной мысли можно отличить от мечтательного мира, остающегося в вакууме.

История, распространяясь на времена после Маркса, ближе к нам¹, являет, по крайней мере, два примера, когда указанный подход был реализован применительно к Рикардо и доведен до уровня теории (В.К. Дмитриев и П. Сраффа); но особый интерес для нас представляет здесь форма и условия выполнения пп. 1—3. При ближайшем рассмотрении оказывается, что решение данной задачи, особенно в виде поиска промежуточных звеньев между этими крайними точками, вовлекает в фокус нашего внимания другие имена и вырастает в целую традицию. Преобладание среди них авторов российского происхождения указывает на тот самый «пантеон, который сделал бы честь любой экономической мысли, если бы такой пантеон существовал»².

Первый и очень важный шаг в этой традиции, сделал, как представляется, *М.И. Туган-Барановский*, который, во-первых, в 1890 г. выдвинул идею общей синтетической экономической теории³; он мыслил ее в форме «органического синтеза трудовой теории ценности и теории предельной полезности» и, после анализа теории ценности австрийской школы, с которой знакомил российскую общественность, сделал общий вывод о том, что «теория предельной полезности не только не составляет опровержения взглядов Рикардо или Карла Маркса, но наоборот, эта теория, правильно понятая, составляет неожиданное подтверждение учения о ценности названных экономистов» (с. 228), и что «всякая теория о ценности, которая не будет принимать в расчет этих обоих элементов, непременно окажется односторонней» (с. 215).

Учитывая имевший место факт маргиналистской революции 1871—1874 гг., можно сказать, что так им были выполнены пп. 1—2: в це-

¹ Два движения между мыслителями, отстоящими от нас в историческом времени, образуют в данном случае одно, но уже свободное от односторонности; и критерием правильности его является история, а не идеология (коль скоро наше движение к ним также есть историческое, а не идеологическое движение).

² Курц Х., Сальвадори Н. Теория производства: долгосрочный анализ. М., 2004. «Вклад ученых русского происхождения в развитие этой теории [производства как кругооборота и прибавочного продукта] основывается на критике исследований Маркса» (там же, с. 431). Но и без этого утверждения: если мы общетеоретически признаем Маркса не единственным, а одним из классиков («ограничим знание»), а также откажемся от безальтернативного пути от Рикардо к Марксу («освободим место вере»), то на этом пути отечественную мысль должно ждать сильное обогащение, — как вследствие возвращенных имен, так и вследствие снятия «чужеродности» с наследия Д. Рикардо.

³ *Туган-Барановский М.И.* Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причине их ценности // Юридический вестник. СПб., 1890. Т. 6. Кн. 2. № 10.

лях построения новой и адекватной теории он возвращается к классическому наследию, не делая пока различия между Рикардо и Марксом, но, как видно, изначально не считая Маркса вершиной, а, по его же собственным словам, «отыскивая свой собственный путь».

Во-вторых, в своих «Периодических промышленных кризисах» (1894) он дал развитие марксовых схем общественного воспроизводства и строго на этой основе (об этом часто забывают!) создал собственную теорию кризисов¹. При реализации п. 3, означающего положительный момент — конструирование теории, важно заметить следующее: он усматривает противоречие между II (схемами общественного воспроизводства) и III (теорией рынка) томами «Капитала» Маркса, так что «его знаменитые схемы остались без своего логического завершения, как бы совершенно инородным телом в стройной системе марксизма» (с. 250); *не возвращается* к Рикардо как к последователю теории рынка Сэя (считавшего, что «общественный спрос создается самим предложением, производство само создает себе рынок»², с. 227), а вершиной после исторического обзора, в конечном счете, все равно считает «господствующую точку зрения» Маркса-Энгельса (с. 241); но, как предполагается, он *преодолеывает* последнюю своей теорией кризисов, обосновывающей периодичность, а не фатальность их появления при капитализме, уточняя учение Маркса и навлекая на себя критику со стороны ортодоксально мыслящих марксистов (К. Каутский, Г. Кунов, К. Шмидт, Р. Люксембург).

Кроме того, часть п. 3 содержалась в уже упомянутой статье 1890 г., где он дал свой вариант разрешения проблемы «синтеза», позже повторяемый им в различных учебных пособиях, а также доведенный до уточненной математической обработки Н.А. Столяровым (1902) и, с менее формальной точки зрения, Вл. Гиршфельдом (1909)³.

Следующий наш экономист с мировым именем В.К. Дмитриев увидел, что в идее «органического синтеза» намечается «...целая программа построения законченной теории ценности (на реалистичной основе), в которой должны были найти себе место обе теории, как вполне законные, взаимно дополняющие друг друга части, являющиеся результа-

¹Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. М., 1997 [1894].

²В критике этого положения можно усмотреть недовольство пассивной стороной спроса, что находится в строгом соответствии с принципом «органического синтеза». Вместе с тем примечателен интерес Туган-Барановского к изданию писем Рикардо к Мальтусу (Letters of David Ricardo to Thomas Malthus. Oxford, 1887) при оценке теории рынка последнего (с. 236), и характеристика «полной победы Рикардо»; это говорит о серьезном отношении М.И. к наследию Рикардо несмотря на установленную несколькими страницами прежде ошибочность его теории.

³Еще одна часть п. 3 содержалась в построении М.И. своего варианта теории социализма, через синтез учения Маркса с категорическим императивом И. Канта; можно также выделить части, связанные с учением о кооперации (1916) и конъюнктурной теорией денег (1917), но все они находятся за рамками данной работы.

тами изучения одного и того же явления ценности с различных точек зрения»¹. На этом сходство с М.И. Туган-Барановским заканчивается.

Дмитриев ни в одном моменте не принял реализацию им п. 3: а) предложенный М.И. вариант «синтеза» не удовлетворил Дмитриева «ни со стороны формы, ни со стороны содержания»², причем в «Экономических очерках» критикуется как математический способ достижения результата, так и принцип исследования («...совершенно справедливо восставая против возражения на трудовую теорию ценности, делаемого Визером, [он] говорит...» о переходе к Марксу для защиты этой теории, с. 59—60); а позже, в рецензии на «Основы политической экономии» — и содержательная основа такого «синтеза»: формула Туган-Барановского не дает и не может дать синтеза субъективной и объективной теории ценности, т.к. имеет в своей основе субъективную теорию исключительно для изолированного, натурального хозяйства³; б) оспаривается гордость Туган-Барановского и венец его творческой мысли в эти годы — его теория кризисов; Дмитриевым закладываются основы для «построения правильной теории промышленных кризисов» (с. 234), которая должна базироваться на «правильной теории конкуренции в связи с учением об издержках производства, как о конечном регуляторе ценности» и значительно осложняется влиянием денежного обращения (с. 242)⁴; в) рас-

¹ Дмитриев В.К. А.А. Мануйлов. Понятие ценности по учению экономистов классической школы [Рец. на кн.] // Русское экономическое обозрение. 1901. №7. С. 142.

² Дмитриев В.К. Экономические очерки. М., 2001 [1904]. С. 60. В дальнейшем, если ссылки на работы Дмитриева и на работы о нем даются путем простого указания страниц, то это страницы издания 2001 г.

³ Дмитриев В.К. Новый русский трактат по теории политической экономии (М.И. Туган-Барановский. Основы политической экономии. СПб., 1909) [Рец. на кн.] // Русская мысль. 1909. № 11. С. 118—119. Дмитриев считал, что возможность синтеза открывается только в случае, если субъективная теория будет субъективной теорией меновой ценности. Значение же формулы Туган-Барановского, по его мнению, ограничивалось только объяснением закона о наилучшем экономическом использовании трудового запаса, который предоставляет изолированное хозяйство, и является не чем иным, как повторением законов Госсена. Причем, по-видимому, он считал в т.ч. и этот аргумент настолько важным, что счел необходимым опубликовать рецензию именно в «Русской мысли», а не в «Критическом обозрении» (ср. рецензию Н.Н. Шапошникова. 1909. Вып. V. С. 48—53), где публиковался в эти годы.

В.Я. Железнов отмечал, что «желание синтеза было очень сильно в русской литературе», однако «легкое разрешение противоречия между теорией предельной полезности и теорией объективной меновой ценности» М.И. Туган-Барановским не встретило в ней сочувствия» (Железнов В.Я. Россия / Русские историки экономической мысли России: В.В. Святловский, М.И. Туган-Барановский, В.Я. Железнов. Под ред. М.Г. Покидченко, Е.Н. Калмычковой. М., 2003 [Wien, 1927]. С. 285).

⁴ Расположение этой критики в конце II очерка (гл. VII) объясняется тем, что доказательство зависимости цены любой из трех категорий товаров от условий спроса было уже завершено (с. 194), а в предполагаемой теории кризисов важное место должен был бы занять факт «постепенного устранения торговца-посредника, неизбежно стоящего между производителем продукта и его потребителем» (с. 241—242). Роль посредника в ценообразовании могла быть истолкована как аналогичная роли товара рабочая сила в марксовской теории прибавочной стоимости. Ср.: «...в промышленности, где продовольствие и сырье должны быть куплены в сельском хозяйстве, прибавочный продукт может возникнуть только как результат реализации продукта» (Сраффа П. Производство товаров посредством товаров. М., 1999. Прил. D, §1, с. 134—135).